

Тема Отечественной войны становится основной в творчестве Державина 1912–1816 гг.

Характерно жанровое разнообразие в трактовке военной темы: торжественный гимн («Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества»), целый ряд стихотворений «на случай», написанных в основном в русле одической традиции («На парение орла», «На смерть фельдмаршала Смоленского», «На победу Александром I Наполеона под Люценом», «На победу при Лейпциге», «На сретение победителя Европы Александра I» и др.), кантата — по черновому определению («На покорение Парижа» и, очевидно, «На возвращение полков гвардии»), «баллада или

Гавриил Романович
Державин (1743–1816)

застольная песня» — по определению рукописи («На возвращение императрицы Елизаветы Алексеевны из чужих краёв»), надпись («К портрету графа Витгенштейна»), эпитафия («Эпитафия завоевателю»).

Художественную разработку темы Отечественной войны Державин начал с малых жанров — надписи и эпитафии, посвящённых соответственно Витгенштейну и Наполеону. Образ первого он создал в свойственной ему манере «картинной поэзии», в данном случае используя наиболее наглядную её форму — экфрасис²:

Генерал П.Х. Витгенштейн

К портрету графа Витгенштейна

Петрополю грозил в Наполеоне пламень,
Иль разъярённый понт свирепостию волн.
Но кто его скала был, ограждавший камень?
Он!

В приведённой надписи Державин поэтически осмыслил роль героя войны генерала Витгенштейна, командира корпуса, остановившего наступление французов на Петербург. Образы поэта насыщены ассоциациями, названные им реалии, как минимум, двуплановы. «Разъярённый понт» — метафора наступающих войск Наполеона, но и указание на частые для северной столицы бедствия — наводнения. Петербург он называет поэтизмом Петрополь, встречающимся в одах М.В. Ломоносова. Упомянутый «камень» — не только каменные постройки города, например Петропавловская крепость, но и раскрытие внутренней формы названия Петербурга как города святого Петра (имя Пётр значит — камень). Стихотворение как бы окольцовывает мотив камня: *Петрополь* (начало) — *камень* (конец). *Скала* — метафора незыблемости защитника и —

² **Экфрасис** — описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте.

ассоциативно — скала (именуемая «Гром») в основании памятника Петру I Фальконе, одного из символов Петербурга. Любопытна игра слов: скала, ограждающая камень. Она реализуется и в графике стихотворения. Четвёртую строку представляет собой местоимение «Он!», расположенное ровно посередине. Возникающие зрительные ассоциации (с учётом развёрнутой и композиционно подчёркнутой семантики камня) — Витгенштейн — новый Атлант, держащий на своих плечах (спасший) если не небеса, то могучий камень («Петрополь»). В этом, в частности, проявляется традиция барокко, одна из ключевых для стиля Державина. Характерна поэтическая грамматика Державина, включающая так называемые «мнимые неправильности»: «кто его скала был, ограждавший камень». Поэт использует так называемый второй именительный падеж: скала был вместо творительного скалой был. Причастие ограждавший присоединяется к местоимению кто, явно по местоположению от него оторванному, а его мужской род нарочито противопоставлен интуитивно относимому к нему слову скала, создавая эффект анаколуфа.

Для понимания взгляда Державина на войну 1812 г. существенно, что, когда русская армия ещё отступала, а Наполеон был во всей своей силе, поэт написал короткую «Эпитафию завоевателю»: «Под камнем сим лежит Батый-Наполеон / Величье было их — ужасный сон». Свойственное поэту масштабное образное мышление позволило ему соотнести различные эпохи и объединить в единый образ завоевателей прежнего и настоящего времени — Батыя и Наполеона. Причём Державин, полный веры в победу России, упоминает, к примеру, не разбитого на Куликовом поле Мамая, а, казалось, победившего в 1237 г. Батыя, разорившего многие русские города, однако проигравшего морально. Поэт вновь прибегает к подобию анаколуфа, сопрягая единственное число глагола *лежит*, относящегося к двойному имени Батый-Наполеон, и множественному числу местоимения *их*, подчёркивающего двойственность этого имени.

Мотив иллюзорности («страшный сон») величия Наполеона — один из сквозных в разработке поэтом темы Отечественной войны 1812 г. Он проявился уже в стихотворении «Фонарь» с посвящённой Наполеону строфой, изображающей иллюзорный, созданный зрительными эффектами «волшебного фонаря», силуэт французского императора («Отважный, дерзкий вождь, счастливый <...> Исчезнь! Исчез»).